

Протоиерей Георгий Ивакин-Тревогин

О переводе богослужебных книг на русский язык

Подготовка текста к публикации, вступительная статья и комментарий О. В. Борисовой, К. А. Мозгова, О. И. Сидоровой

Публикуемая рукопись представляет собой заметки священника Ташкентской епархии прот. Георгия Ивакина-Тревогина (1903–1980) о необходимости перевода богослужения на русский язык. Автор является духовным сыном св. прав. Алексия Мечёва, членом общины отцов Алексия и Сергия Мечёвых, исповедником веры. Полемизируя со сторонниками использования в Русской православной церкви исключительно церковнославянского языка, Ивакин-Тревогин опирается на свой пастырский опыт, на традиции богослужения в «мечёвской» общине, где стремились к обретению смысла общей молитвы, к участию в богослужении каждого молящегося. Документ публикуется впервые.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: богослужение, литургия, перевод, русский язык, церковнославянский язык, молитва, прот. Георгий Ивакин-Тревогин.

Протоиерей Георгий Ивакин-Тревогин (1903–1980) — исповедник веры, духовное чадо св. прав. Алексия Мечёва, член общины, сложившейся вокруг старца в храме св. Николая в Клённиках. Он был очень близок к своему духовному отцу, от него воспринял любовь к богослужению, был чтецом и алтарником о. Алексия в храме на Маросейке. До последней минуты был рядом со своим духовным отцом, сопровождал гроб с телом почившего старца из Вереи в Москву.

Впервые Георгий Николаевич был арестован вместе с некоторыми другими членами общины в 1928 г., провел в тюрьме 4 месяца, затем в 1938 г. вновь был арестован и осужден на 8 лет лагерей. Известно, что он подвергался тяжелым пыткам, в результате которых у него возникли серьезные сердечные заболевания; из заключения вышел инвалидом. После освобождения жил и преподавал в Москве.

Георгий Николаевич окончил математический факультет Московского университета, затем аспирантуру НИИ математики

при Московском университете; он автор нескольких научных математических трудов, ряда богословских сочинений, в том числе апологетических.

Церковное служение Г. Н. Ивакина-Тревогина было связано с Ташкентской и Среднеазиатской епархией. Когда в 1943 г. в СССР стало возможно частичное восстановление церковной жизни, еп. Ермоген (Голубев), в 1953 г. возглавивший Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию, стал собирать в епархии круг образованных людей, желавших послужить Богу и Церкви. Первым помощником владыки Ермогена, в том числе и в деле собирания единомысленного образованного духовенства, был о. Борис (Холчев). Отец Борис, также будучи членом общины отцов Алексия и Сергия Мечёвых, по благословению о. Сергия Мечёва — своего духовного наставника — окормлял общину и не терял с ней связи со времени последнего ареста о. Сергия. Теперь, по согласованию с еп. Ермогеном, члены общины стали собираться в Ташкентской епархии. На сегодняшний день известно, что 14 членов общины приняли священнический сан, 6 из них несли служение в Ташкентской епархии. В их числе был и о. Георгий Ивакин-Тревогин. В 1955 г. в Ташкенте, в возрасте 52 лет, Георгий Николаевич был рукоположен владыкой Ермогеном в дьякона, затем во пресвитера и назначен настоятелем молитвенного дома во имя Всех святых в Андижане. Отец Георгий проявил себя как внимательный пастырь и глубокий проповедник. Однако служение его было недолгим. Вскоре вновь начались гонения на церковь со стороны государства. Отец Георгий продолжал собирать верующих в сложное для церкви время. Когда в конце 1950-х гг. гонения стали открытыми, о. Георгий, как и все лучшие священники епархии, сподвижники владыки Ермогена, подвергся преследованиям со стороны властей. В результате организованной клеветнической кампании, угроз и шантажа, о. Георгий был вынужден оставить приход и уехать из Андижана, несмотря на попытки прихожан отстоять своего пастыря: «Оставьте нам любимого нашего пастыря о. Георгия... Отец Георгий хорошо проводит богослужения, очень хорошо говорит проповеди, а читает евангелие так хорошо... Лучшего священника, чем о. Георгий для нашего храма не может быть...» [Д. 126. Л. 56].

В результате здоровье о. Георгия, и без того слабое, сильно пошатнулось. Он переехал в Ташкент, где время от времени участвовал в богослужениях в Свято-Успенском кафедральном соборе, проповедовал, но уже не мог служить постоянно. Отец Георгий

Ивакин-Тревогин являлся одним из лучших проповедников Ташкентской епархии. Несмотря на то, что он находился за штатом, архиереи обращались к нему с просьбой проповедовать в Успенском соборе. Его проповедническая деятельность была отмечена в 1958 г. наградой патриарха «За усердное служение Церкви Христовой и неустанное проповедание Слова Божия».

К сожалению, проповеди о. Георгия практически не сохранились, хотя в Ташкенте духовные чада о. Георгия до сих пор бережно хранят память о своем пастыре. У Н. Ф. Малородовой, духовной дочери о. Георгия и друга его семьи, сохранилось несколько проповедей о. Георгия, перепечатанных на машинке. Богословские труды о. Георгия на сегодняшний день не опубликованы. Его апологетические статьи, написанные в 1960-х гг. во время гонений на церковь и активной антирелигиозной кампании, представляют интерес и в настоящее время.

Работа о. Георгия «О переводе богослужения на русский язык» публикуется впервые. О глубоком и серьезном отношении о. Георгия к богослужению свидетельствовал один из его учеников, прот. Пахомий Лай: «Благодаря о. Георгию я знал чинопоследование всех треб, знал все апостолочтения... Отец Георгий был сторонником продолжительного богослужения» [Лай, 128]. Думается, что корни такого отношения лежат в традиции богослужения маросейской общины, к которой был причастен о. Георгий и которая возродилась его сподвижниками в Ташкентской епархии. Эта традиция призывала к обретению смысла богослужения, к участию в нем каждого присутствующего. Известно, что в Ташкентской епархии владыки Гурий (Егоров) и Ермоген (Голубев) считали необходимым, чтобы богослужение было соборным, чтобы на нем всегда звучало слово Божье, чтобы в нем участвовали все молящиеся, а значит, чтобы все могли войти в дух и смысл происходящего. Эта традиция богослужения, привитая в Ташкентской епархии благодаря служению здесь членов Александроневского братства и маросейской общины, всегда имела и миссионерский аспект, следовательно, богослужение должно было быть понятным и тем, кто только входит в Церковь.

Такое отношение к богослужению обращало истинных пастырей к размышлению о языке богослужения. Прихожане тех лет, в частности Н. Г. Тремсина, свидетельствуют, что владыка Ермоген русифицировал тексты некоторых молитв во время богослужения. В архиве о. Павла Адельгейма, священнический путь которого начинался в 1960-х гг. в Ташкентской епархии, сохранились

записи с его размышлениями о языке богослужения и о проблемах совершения богослужения на церковнославянском языке.

Вопрос языка, на котором может вестись богослужение, и сегодня остается острым для Русской православной церкви. Проблемы, поднятые о. Георгием Ивакиным-Тревогиным почти 60 лет назад, актуальны и в наше время. Отец Георгий отмечает, что «православная церковь никогда не учила об исключительности употребления того или иного языка». Более того, он подчеркивает, что «русский язык тоже красив, если выкинуть всякие: баклуши, ахинеи, турусы» — никто ведь и не предлагает переводить на разговорный или «газетный» русский язык, когда есть прекрасный язык русской литературы и тем более язык молитв, составленных по-русски в XIX–XX вв., в том числе новомучениками.

Главный аргумент о. Георгия — пастырского характера. Дело даже не в том, что «многие слова славянского языка не только устарели, но приобрели другой смысл на русском языке, благодаря чему происходит всегда путаница понятий». Почему народ предпочитает акафисты, не интересуясь основными службами? Почему молящиеся в храме во время богослужения «в большинстве случаев молятся сами по себе»? Его беспокоит не столько проблема непонимания богослужебного языка, сколько те духовные потери, которые несут люди, не имея возможности приобщиться к глубине православной молитвы. «Нам ли, в наш век духовного невежества, отсутствия церковного обучения для мирян, ратовать за непонятный язык?»

Отец Георгий предлагает в качестве первых шагов самые простые действия — даже если не переходить на русский язык полностью, то уже сейчас надо «убрать и заменить все непонятные и соблазнительные слова», поправить синтаксис, не боясь «смешения русского и славянского языка в одно целое». Ведь этот страх истекает либо от невежества и незнания истории (будь то страх раскола или «обновленчества», по сути не связанных с вопросом языка), либо от нелюбви к русскому языку и незнания его (чем иначе объяснить уверенность, что русский — это только просторечие, тогда как те же славянизмы уже несколько веков составляют неотъемлемую часть русского языка наравне с тюркизмами, галлицизмами и проч.). В конце концов, как пишет о. Георгий, «не славянский язык сам по себе имеет достоинства, а молитвенный дух, который вложен в молитвы. Этот дух может проникнуть в любой язык — будь то русский, будь то эфиопский».

Рукопись представляет собой текст, написанный рукой о. Георгия на машинописной бумаге и переплетенный вручную в одну

тетрадь. На обложке указано название: «О переводе богослужбных книг на русский язык». На первой странице есть карандашная помета «3 экз.». Можно предположить, что данная рукопись была переписана как минимум в трех экземплярах и распространялась среди верующих. В начале 1960-х гг. во время хрущевских гонений на церковь, когда внебогослужбное общение духовенства и мирян было запрещено, статьи на такие темы становились особенно актуальными для понимания верующими сути богослужения и осознанного участия в нем.

При публикации в основном сохранены орфография и синтаксис рукописи. Подчеркнутые в рукописи слова даны курсивом. Некоторые ссылки на источники, приведенные прот. Георгием в тексте статьи, помещены в комментарий.

Протоиерей Георгий Ивакин-Тревогин

О переводе богослужбных книг на русский язык¹

Как известно, римско-католическая церковь установила на своем соборе исключительное употребление латинского языка при богослужении [1]. Однако, даже в самых недрах римской церкви стали сознавать неудобство такого положения, и на созываемом соборе 11 октября 1962 года поставлен вопрос о разрешении служить на национальных языках [2].

Православная Церковь никогда не учила об исключительности употребления того или иного языка. Православное богослужение совершается на греческом, славянском, грузинском, финском, латышском, немецком, французском, английском, японском, молдавском и на иных языках, которых перечислить затруднительно. Почему же богослужение не совершается на русском языке? Среди богословов находятся такие, которые говорят, что подобно тому, как богослужение совершается не в обычных гражданских одеждах, а в особых священных, то и язык богослужения должен быть не обыкновенным, но особым священным [3]. При этом забывают, что фелонь, <e>питрахиль и другие священные одежды никогда в истории, не являлись обычными гражданскими одеждами [4]. Что касается славянского языка, то было время, когда он употреблялся и на рынке, и в корчемницах [5]. Мы не говорим, что надо совсем обрусить язык, сделать его газетным, но говорим, что нужно и должно непонятные слова заменить понятными, если нет никакого ущерба для смысла. Почему, например, слово живот более благообразно, чем жизнь, или сосаша, чем ссаша? Пусть останутся, если хотят ревнители старого языка, такие слова как нози, руце, яко, очи и т. д. Они недоразумений не вызовут. Но зачем

1. Архив прот. Георгия Ивакина-Тревогина.

такие слова, как: коло, плинфа, гобзование, скоктание, мшелоимство и т. д. Парийский в своей статье указывает, что Ломоносов ценил и восхищался красотой славянского языка [6]. Это верно. Этого и мы не отрицаем. Но русский язык тоже красив, если выкинуть всякие: баклуши, ахинеи, турусы, на которые ссылается Парийский. Мы думаем, что никто и не думал эти слова вносить в богослужебный обиход. Парийский говорит, что во всей псалтыри не более 100 непонятных слов. Это он явно хватил через край. Из наблюдений над молящимися мы знаем, что в большинстве случаев они молятся сами по себе и почти никогда не вникают в чтения кафизм псалтыри. Что пасхальное богослужение умиляет это верно, но это не за счет славянизмов, а за счет радостных напевов и тех выражений, которые понятны. Известны переводы богослужебных книг проф. Ловягина [7], молитв ко причащению Свирелина [8], акафисты Божией Матери митрополита Филарета Киевского [9] и других. Разве все эти переводы по качеству, по силе чувств ниже славянских. Парийский ссылается на угодников Божиих и на Ломоносова. Но ведь они жили тогда, когда славянские выражения были в ходу и были понятны. Ломоносов, например, в своих сочинениях употребляет такие слова, как «тминный» [10]. Это не от тмина, а от тьмы, то есть тысячи. Тминный, значит бесчисленный. Кому такое выражение понятно в настоящее время? Парийский хочет нас позабавить синодальным «переводом» ирмоса «Крест начертав». Он пишет: «Моисей, начертав жезлом *продольную надпись* Креста, разделил Чермное море *так, что* Израиль прошел по нему пешком, ударив же море поперек и т. д.»². Но ведь и Парийскому должно быть ясно, что здесь не перевод в точном значении этого слова, а передача смысла песнопения на русском языке, то есть особого рода разъяснение. Синод никогда не думал такой текст вводить в богослужебную практику. Но обратимся к переводу Ловягина: «Моисей жезлом рассек Чермное море для шествовавшего Израиля, изобразив Крест в прямоу, а ударом против фараоновых колесниц соединил тоже, изобразив в широту непобедимое оружие: посему воспоем Христу, Богу нашему, ибо Он прославился» [Ловягин, 162]. Мы не видим, чем этот перевод хуже и менее благообразен славянского. Многие слова славянского языка не только устарели, но приобрели другой смысл на русском языке, благодаря чему происходит всегда путаница понятий. Приведем примеры: понимают ли, в большинстве своем, молящиеся такие слова, как: ручка, орати, глумление, напрасно, равнодушен, тля, работа, сад, лето и т. д.? Но возьмем к примеру новый акафист святым Гурию, Самону и Авиву. В седьмом икосе мы читаем: «Радуйтесь во вражде сущих и озлобленных умирятише преславнии» [11]. Ясно, что автор акафиста под словом «озлоблении» подразумевает: «находящихся в злобе на ближнего», в то время как славянское значение этого слова совсем другое. Ниже мы приводим небольшую табличку славянских слов, имеющих сходство с русскими в произношении и написании, и совсем разными по своему смыслу.

2. См.: [Парийский, 57].

Таблица. Некоторые слова, которые в славянском языке имеют иное значение, чем в русском

<i>Слово на славянском языке</i>	<i>Его значение на русском</i>	<i>Слово на славянском языке</i>	<i>Его значение на русском</i>
вина	причина	окормление	управление
воня	запах, аромат	орати	пахать
выну	всегда	отрок	подчиненный человек (из челяди)
глумление	размышление	пиво	питие
гневатися (да гневаются людие)	трепетать, приходиться в возбуждение	пожри	принеси в жертву
год, година	время	празднолюбцы	любящие почтить память-праздник (а не бездельник)
дерзостно	смело	позор	зрелище
доброта	красота	прелесть	прельщение
доволен	достаточен, пригоден	работа	рабство
живот	жизнь	равнодушный	единодушный
звание (уразумей звание мое)	зов, призыв	ругатися	насмехаться, издеваться
зря	видя	ручка	сосуд-стамна с ручкой
удобрение	украшение	сад	растение, насаждение
известно	твердо, наверняка	сенный	теновой
изящный (чудотворец)	выдающийся, отменный, превосходный	смирение	унижение, ничтожество, убожество
имение	имущество	совет	замысел, умысел, соизволение
искренний	ближний, приближенный	ссати	сосать
клевета	донос	страсть	страдание
лесть	обман	теку	стремлюсь, бегу
лето	год	терпение	очень часто значит: упование
мнение	фантазия, самообольщение	тля	гниение, разрушение
нагло	внезапно	требую (Пс 15:2) (благих моих не требуешь)	нуждаюсь
наказание (наказатель священников, стих. свят. Алексею)	научение, воспитание	трус	землетрясение
напрасно	внезапно	удобрение	украшение
неделя	воскресение	хитрец	умелец
непостоянно (непостоянна слава)	невозможно устоять или выдержать	художник	мастер
озлобление	нахождение в трудных обстоятельствах, в скорби, удручение		

Само собой разумеется, что этот список далеко неполный даже для постоянно встречающихся слов [12].

Насчет благообразия языка мы тоже не согласны. В качестве примера укажем, что светилен святой великомуч. Екатерине вряд ли прочтет кто-нибудь в городском храме так, в таких выражениях, как стоит в славянской минее [13]. Парийский говорит, что славянский язык непонятен для малокультурных людей так же, как им непонятен зачастую и русский язык — «каждый из нас понимает в меру своего развития и образования» [Парийский, 56]. Мы со своей стороны осмелимся утверждать, что славянский язык непонятен, причем даже в самых обиходных выражениях, как, например, в Евангелии, даже для докторов богословия.

В качестве примера приведем славянское выражение: «Яко призри на смирение Рабы Своея» (Лк 1:48).

Понять и перевести этот стих возможно двояко:

1. Потому что Он милостиво воззрел (обратил внимание) на ничтожество Своей Рабы.

2. Потому что Он увидал, какая смиренная Его Раба.

Смысл этих двух переводов совершенно различен, не по стилю, а по смыслу.

По первому переводу смирение — это униженное состояние человека, по второму — это добродетель смиренномудрия. В Лествице преп. Иоанна Лествичника рассказывается об одном брате, который говорил и утверждал, что он совсем не горд, то есть он смиренномудр. Старец возразил ему: «Чем же, сын мой, ты лучше и яснее можешь уверить меня в твоей гордости, как отрицанием того, что ты горд?» (Леств. 23. 14). Поэтому, согласно со святыми отцами и толкователем Евангелия епископом Михаилом [14], мы говорим, что смысл первого перевода верен, а второго нет. Это не значит, что Богоматерь не была смиренна, напротив, Она была очень смиренна, но только Она никак не могла говорить о Себе, что Она смиренномудра. Кто говорит о том, что он смирен, — тот не смиренномудр, но гордится своим смирением. Что же мы читаем в журнале ЖМП за подписью митрополита Николая? Буквально следующее: «Богоматерь не говорит ни об одной Своей добродетели, кроме смирения (“Призрел на смирение рабы Своей”, Лк 1:48)» [Ярушевич, 61]. Таким образом, митр. Николай склоняется ко второму переводу, который мы считаем совсем неверным. Утверждение Парийского о культурности и о развитии терпит крах. Если славянский язык для митр. Николая непонятен, то что сказать о других?

Что же можно сказать о трудных местах богослужебных книг? И будем говорить не о докторе богословия, а о рядовых прихожанах, много ли они понимают из того, что поется и читается? Конечно, такие слова, как «Велика Совета Ангел» непонятные не из-за языка, а по их глубокому смыслу, здесь русский язык не поможет для уяснения смысла. Но зачем же глубокий и трудный смысл еще более затемнять непонятными выражениями? Почему никогда народ не просит прочитать канон святому или празднику, или молебен с каноном, а просит прочитать

молебен с акафистом? Потому что акафисты, как правило, составлены недавно, в них меньше глубоких мыслей, но зато они проще по языку. У баптистов все еще понятней, но глубины совсем нет. Кто возражает против русского языка? Главным образом те, которые далеки от св. отцов. Бывший проф. Осипов [15], когда он был профессором, в частном письме писал, что «богослужение на русском языке вызывает недоверие», оно скомпрометировано обновленчеством [16]. Но никто ведь не говорит, что надо это делать сразу. Надо дать такой текст, в котором следует убрать и заменить все непонятные и соблазнительные слова. Мы не говорим, что вместо «яко» или «ибо» надо писать «так как». Но если вместо «дщи беснуется» написать «дочь беснуется», или вместо «Ангели с человецами совокупишася» написать «соединились» или, в крайнем случае, соединишася, то этим мы только выиграем, получим большую ясность без ухудшения качества перевода.

Иногда неясность проистекает от непривычной нам расстановки слов. Вот пример, тропарь 8-ой песни канона 28 января.

«Светоносен яко иное показался еси солнце, учений лучи испущая концем: тьму несветлую отгнал еси, <блаженне,> всякаго греха, светом покаяния».

Надо быть хорошо знакомым с текстами и языком богослужебных книг, чтобы понять смысл этого тропаря. Небольшая перестановка слов помогает уяснить его смысл.

«Светоносен яко иное солнце показался еси, лучи учений концем испущая, несветлую тьму всякаго греха светом покаяния отгнал еси, блаженне».

Проф<ессор> Ловягин написал много хороших переводов наших богослужебных книг. Много переводов было сделано и епископом Феофаном Тамбовским (затворником). Эти переводы публиковались отрывками в «Душеполезном Собеседнике» (1900–1917 гг.) [17] и, возможно, в других журналах, как, напр<имер>: «Душеполезное Чтение». У него есть и перевод литургии. В житиях преп. Серафима часто даются его наставления. Эти наставления большей частью заканчиваются молитвой, в которой нет непонятных славянских слов. Стиль слов этих молитв, понятность их могла бы служить образцом для будущих переводов богослужения на русский язык. Некоторые боятся смешения русского и славянского языка в одно целое, но этого бояться не следует. Ловягин, еписк<оп> Феофан, еписк<оп> Порфирий [18] и другие показали каким величественным может быть русский язык в молитвенных воззваниях ко Господу. Конечно, такие грубо уличные слова, как, напр<имер>: «показуха», «учеба» и т. д. совершенно неуместны в молитвах. Парийский утверждает совершенно ложную мысль, что якобы «в самой трудной славянской книге найдется не более ста слов, нуждающихся в переводе» [19]. Однако, даже в первых двух кафизмах, десятой части псалтыри, их много больше сотни. Но для того, чтобы нам быть совершенно объективными в этом утверждении, возьмем не псалтырь, а Евангелие и выпишем непонятные слова, и не по нашему суждению, а по беспристрастному суждению издательства Московской Патриархии. Что же мы видим? В «Богослужебных указаниях» за 1952 год поме-

щены евангельские чтения Великого Пятка на утрени (12 евангелий). Они содержат в общей сложности 299 символов. Непонятные слова и целые фразы разъяснены для священно-церковнослужителей в подстрочных примечаниях к тексту. Таких примечаний всего 321, причем многие примечания охватывают не одно слово, а целую группу. Если вспомнить, что только одна 17-ая кафизма псалтыри содержит 176 стихов, то легко придем к выводу, что в псалтыри, как без сомнения более трудной для понимания книги, содержится не менее 3500 непонятных слов и речений. Что касается богослужебных книг, триоди, минеи, октоиха и особенно типикона, то они во многих своих частях, трудней псалтыри. Не славянский язык сам по себе имеет достоинства, а молитвенный дух, который вложен в молитвы. Этот дух может проникнуть в любой язык, будь то русский, будь то эфиопский. На славянском языке, так же, как и на русском, писались и нечестивые вещи [20], однако, ни тот, ни другой язык от этого не сделались нечистыми.

Когда на Западе латинский язык был заменен народным, то посещаемость богослужений, как говорят, возросла на 15 %.

Нам ли, в наш век духовного невежества, отсутствия церковного обучения для мирян, ратовать за непонятный язык?

Не должен ли Бог быть прославляем от «всех племен и колен и народов и языков» (Откр 7:9)?

1962–1965 гг.

Комментарий

1. Имеется в виду Тридентский собор (1543–1563).

2. Речь идет о II Ватиканском соборе (1962–1965). В Конституции о Священной Литургии, утвержденной папой Павлом VI 4 декабря 1963 г., говорится: «В латинских обрядах должно сохраняться использование латинского языка. Однако, поскольку и на Мессе, и при преподании Таинств, и в иных частях Литургии использование современного местного языка нередко может оказаться весьма полезным для народа, ему можно уделить больше места, прежде всего в чтениях и поучениях, в некоторых молитвах и песнопениях... <...> Перевод латинского текста на современный местный язык для использования в Литургии должен быть одобрен полномочной территориальной церковной властью» [*Sacrosanctum Concilium*, 31].

3. Протоиерей Георгий Ивакин-Тревогин полемизирует со статьей Л. Н. Парийского «О церковнославянском языке в русском православном богослужении» [*Парийский*]. Лев Николаевич Парийский (1892–1972) — магистр богословия, профессор Ленин-

градской духовной академии по кафедре патрологии. В течение ряда лет Л. Н. Парийский составлял «Богослужебные указания», издававшиеся Московской патриархией. Им написан ряд церковно-музыкальных сочинений.

4. Вероятно, рукописи о. Георгия переписывались и распространялись. (Это подтверждает, в частности, рукописная помета на 1-й странице рукописи — «3 экз.»). Можно предположить, что при переписке допущена смысловая ошибка: должно быть написано «священные одежды некогда в истории являлись...». В таком случае это соответствует смыслу текста и историческим фактам: фелонь и епитрахиль изначально были именно гражданскими одеждами. Фелонь — один из наиболее древних элементов литургического облачения епископа и священника. В апостольские времена фелонь представляла собой шерстяной плащ без рукавов, употреблявшийся в качестве верхней одежды. Фелонь как повседневная одежда упоминается и у апостола Павла *¹.

*¹ См. 2 Тим 4:13

5. Подтверждений этому найти не удалось. По поводу употребления церковнославянского языка в живом общении Б. А. Успенский пишет, что в XVI в. в Юго-Западной Руси «в качестве языка ученого сословия церковнославянский язык может выступать как средство разговорного общения. <...> Так, в братских школах церковнославянский язык сознательно вводился как способ устной коммуникации — фактически на тех же правах, что и латынь в польских католических школах: согласно уставу Львовской братской школы (1587 г.), детям запрещалось разговаривать между собой на “простой мове”, и они должны были разговаривать по-церковнославянски или по-гречески». С другой стороны, «в течение XVIII в. создается целая литература пародийных акафистов, пародийных молитв и т. д. Эта литература образует определенную традицию, которая явно связана с семинарской средой, т. е. с той средой, где церковнославянский язык употреблялся в качестве разговорного. <...> Тексты такого рода воспринимаются по большей части как нейтральные, т. е. как результат своеобразной языковой игры (то же восприятие характерно и для средневекового Запада). Поскольку они связаны с духовной средой, они явно не имеют характера намеренного кощунства» [Успенский, 395, 501].

6. Ср. у Парийского: «М. В. Ломоносов давал высокую оценку церковнославянскому языку и относил его к высокому стилю. Основная мысль М. В. Ломоносова, что идеи высшего порядка должны выражаться и языком горним, возвышенным, а о вещах

житейской суеты следует говорить языком дольным, — психологически верна» [*Парийский*, 57].

7. Евграф Иванович Ловягин (1822–1909) — профессор Санкт-Петербургской духовной академии. Переводил с греческого древние памятники, в том числе перевел тексты древних литургий для издания «Собрания древних литургий» (1874–1878). Опубликовал фундаментальный труд «Богослужebные канoны на греческом, славянском и русском языках» (1855). В дальнейшем книга переиздавалась в 1861 и 1875 гг.

8. Протоиерей Александр Иванович Свирелин (1830–1906) — смотритель Переславского духовного училища, автор множества трудов по богословию, археологии и педагогике, удостоен многих церковных наград. В 1874 г. издал «Последование ко святому причащению и по причащении в русском переводе с греческого».

9. Возможно, речь идет о московском митр. Филарете (Дроздове). Известен его перевод акафиста Богородице (см.: [*Филарет*]). Тогда как митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Амфиотратов) был против перевода Священного писания на русский язык, хотя в годы его служения в Казани начались переводы катехизиса, богослужebного Апостола, Евангелия, «Символа веры» и «Отче наш...» на языки чувашей, черемис, вотяков и татар.

10. Речь идет о сочинении М. В. Ломоносова «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской императорской Академии Наук мая 26 дня 1761 года», в котором Ломоносов цитирует свт. Василия Великого: «Василий Великий, о возможности многих миров рассуждая, пишет: “Яко же бо скудельник, от того же художества тминные создав сосуды, ниже художество, ниже силу изнури, тако и всего сего содетель, не единому миру соумеренную имея творительную силу, но на бесконечногубое превосходящую, мгновением хотения единым во еже быти приведе величества видимых”» [*Ломоносов*, 374].

11. В современном варианте Акафиста этого текста нет. Возможно прот. Георгий имеет в виду какую-то более раннюю редакцию. Акафист Гурию, Самону и Авиву не имеет официального церковного благословения. Отец Георгий мог пользоваться самиздатовской рукописью, которые в те годы в Ташкентской епархии были широко распространены.

12. См., напр., список церковнославяно-русских паронимов, составленный О. А. Седаковой: [*Седакова*].

13. Светилен канона св. вмц. Екатерины Александрийской: «Возжиляема мудровáнием жéн, о дéво Екатери́но всечестна́я,

страстотерпцев славо, философов хитрость о Бóзе обличила еси́, яко буюсло́вие сущу и бáснь, всенепорóчную йстинно Мáтерь Бóжию спомóщницу стяжáвши».

14. «*Призрел*»: обратил милостивое свое внимание, посетил своей милостью и благодатью. — «*Смирение рабы своей*»: собственно уничтожение; разумеется тогдашняя незнатность рода Девы, бедности и внешнее уничтожение; без сомнения, не исключается и нравственное сознание смирения, как всецелой преданности воле Божией» [Лузин].

15. Осипов Александр Александрович (1911–1967) — православный богослов, протоиерей и профессор Ленинградской духовной академии, магистр богословия, автор многих работ на богословские и духовные темы. 30 декабря 1959 г. извергнут из сана и лишен церковного общения после публикации в газете «Правда» статьи «Отказ от религии — единственно правильный путь». С этого времени — профессиональный пропагандист атеизма, один из авторов многократно издававшейся в СССР «Настольной книги атеиста».

16. Вопрос о богослужении на русском языке вызывал споры и внутри обновленческого движения. Одна из группировок, «Союз церковного возрождения» во главе с еп. Антонином (Грановским), изначально последовательно выступала за литургические реформы, включая перевод богослужения на русский язык. Эти новшества сразу встретили полное неприятие другой группировки — «Живая церковь» — возглавляемой прот. Владимиром Красницким. Вопрос о богослужебной реформе поднимался обновленцами не раз. В 1924 г. было решено осуществлять перевод богослужения на русский язык централизованными усилиями всех обновленческих сил под руководством Священного синода. Однако на втором обновленческом «соборе» в 1925 г. уже заговорили о неуместности литургической реформы. Идеолог обновленчества митр. Александр Введенский категорически высказался против богослужения на русском языке, которое «не дает народу духовного удовлетворения». В 1927 г. вопрос о языке снова подняли прот. Василий Адаменко, прот. Константин Смирнов, архиеп. Александр (Анисимов) и некоторые другие «идейные обновленцы». Однако другие члены Синода настаивали на том, что в деле перевода богослужения нельзя допускать произвола. В 1931 г. прот. Василий Адаменко, разочаровавшись в обновленчестве, принес покаяние в грехе раскола митр. Сергию (Страгородскому) и перешел в Патриаршую церковь, получив благословение

совершать богослужение по-русски. Окончательно вопрос о языке был решен в 1932 г., когда Синод определил, что основным богослужебным языком в «обновленческой церкви» остается церковнославянский. Исходя из этого, Синод циркулярно запретил использование в богослужении русского языка. Подробнее см.: [Соловьев].

17. Ежемесячный журнал, издававшийся в Москве Афонским подворьем Русского Пантелеимонова монастыря. Почти в каждом номере журнала публиковались богословские, аскетические или эпистолярные творения свт. Феофана Затворника.

18. Порфирий (Успенский), еп. Чигиринский (1804–1885) — русский востоковед, византолог и археолог, переводчик Библии на русский язык.

19. Ср. у Парийского: «Почти все корни слов и их значения общи у церковнославянского языка с русским. В этом легко убедиться всякому, кто обратился бы с этой целью к богослужебным книгам. Из общего количества слов, употребленных в самой трудной славянской книге — Псалтири — можно найти не более ста слов, нуждающихся в переводе. К ним принадлежат слова: абие, аще, брение, буйй, вскуе, ганание, гобзование, егда и т. п. В это число входят и иностранные слова, оставшиеся в церковнославянском языке без перевода: онагр, скимен, скрания и т. п.» [Парийский, 54].

20. См., напр., «Служба кабаку» («Праздник кабацких ярыжек») — русское сатирическое произведение XVII в., пародирующее церковное богослужение.

Источники и литература

1. *Д. 126* = Личное дело Георгия Николаевича Ивакина-Тревогина. Ташкентское епархиальное управление. Оп. 2. Д. 126.
2. *Лай* = Лай Пахомий, прот. Сквозь узкие врата // Восток Свыше. 2010. № 18. С. 117–132.
3. *Ловягин* = Ловягин Е. Богослужебные каноны на славянском и русском языках. СПб. : Синод. тип., 1861. [4], IV, 296 с.
4. *Ломоносов* = Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. : В 11 т. Т. 4 : Труды по физике, астрономии и приборостроению, 1744–1765 гг. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1955. 834 с.
5. *Лузин* = Михаил (Лузин), еп. Толковое евангелие : В 3 кн. Кн. 3. Толкование на Евангелие от Марка и Луки с предисловиями и подробными объяснительными примечаниями. Репр. воспр. изд. 1871 г. М. :

- Издательский отдел Московского Патриархата ; Донской монастырь, 1993. 628 с.
6. *Парийский* = Парийский Л. О церковнославянском языке в русском православном богослужении // ЖМП. 1946. № 6. С. 54–58.
 7. *Седакова* = Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы : Материалы к словарю М. : Греко-лат. кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. 428, [1] с.
 8. *Соловьев* = Соловьев Илья, свящ. «Обновленческий» раскол и литургические реформы // Церковный вестник. 2008. № 12 (385). URL: <http://www.tserkov.info/numbers/history/?ID=2636> (дата обращения: 7.12.2017).
 9. *Успенский* = Успенский Б. А. История русского литературного языка : (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2002. 558 с.
 10. *Филарет* = Филарет (Дроздов), митр. Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1855. Ч. 14. Кн. 2. С. 139–152.
 11. *Ярушевич* = Николай (Ярушевич), митр. Земная жизнь Пресвятой Богородицы // ЖМП. 1960. № 1. С. 58–67.
 12. *Sacrosanctum Concilium* = Конституция о священной Литургии (Sacrosanctum Concilium) // Документы II Ватиканского собора. М. : Paoline, 2004. С. 17–60.

Archpriest Georgy Ivakin-Trevogin

On Translating Service Books into Russian

Preparation for publication, foreword and note

by O. V. Borisova, K. A. Mozgov, O. I. Sidorova

The published manuscript is an essay by Archpriest Georgy Ivakin-Trevogin (1903–1980), clergyman of the Tashkent diocese, on the need of translating liturgical texts into Russian. The author was the spiritual so'n of St. Alexey Mechev, confessor of faith and member of the community of Frs. Alexey and Sergius Mechevs. In his debate with the proponents of using exclusively Church Slavonic in the Russian Orthodox Church, Ivakin-Trevogin drew on his pastoral experience and the worship tradition in the Mechevs' community, which sought to reveal the sense of common prayer and to involve each praying person in worship. The document is published for the first time.

KEYWORDS: worship, liturgy, translation, Russian language, Church Slavonic language, prayer, Archpriest Georgy Ivakin-Trevogin.